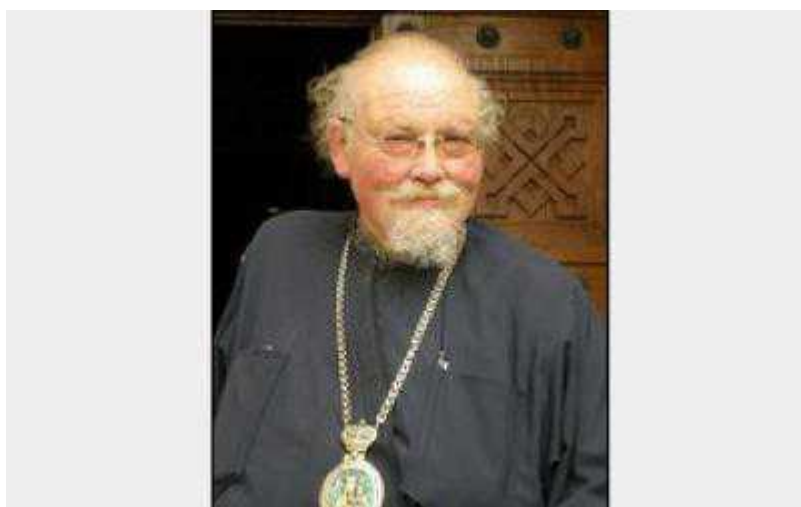

«Динозавр» из Веве |

Auteur: Надежда Сикорская, [Веве](#) , 08.11.2007.

Епископ Амвросий. Фото автора.

Встреча с Епископом Амвросием, настоятелем православной церкви в Веве.

Епископ Амвросий (а до принятия сана Петр Петрович Кантакузен), настоятель Церкви святой Великомученицы Варвары в Веве (а до прошлого года - архиерей Женевский), любезно согласился консультировать «Нашу Газету» по вопросам православия в рубрике Вера. Во время первого телефонного разговора, когда я обратилась к нему с такой просьбой, он сразу предупредил: «Имейте в виду, я совершенный динозавр, Интернетом не пользуюсь и вообще не умею обращаться с компьютером». Потом разговорились, и очень быстро стало ясно, что мой собеседник - человек эрудированный, остроумный и вполне современный и что если бы все динозавры были такими, они бы до сих пор жили среди нас. А несколько дней спустя епископ принял меня в Веве.

Наша Газета: Владыка, вы - русский швейцарец третьего поколения. Именно и русский, и швейцарец, так как корни вашего генеалогического дерева произрастают из обеих стран, и о них можно было бы написать роман. Расскажите, пожалуйста, каким образом Ваша семья обосновалась в Швейцарии?

Епископ Амвросий: Лично я - коренной «вевезанец», родился в этом городе в 1947 году. Родители мои тоже родились в Швейцарии, а вот все бабушки и дедушки еще холостыми разными путями приехали сюда из России. А получилось это, вкратце, так.

Моя бабушка со стороны матери, Мария Владимировна Шваб (по мужу Орлова), была внучкой швейцарского часовщика, поселившегося в России в середине 19 века. Сын этого господин а Шваба совершенно обрусел и только во время Первой мировой войны вспомнил о своем иностранном происхождении и в порыве патриотических чувств подал прошение о пожаловании ему российского гражданства. Его было отказано, со ссылкой на особые правила военного времени. А в 1917 году швейцарское посольство вывезло, в пломбированном вагоне (таком же, наверное, в каком ехал Ленин, только в обратном направлении), всех швейцарских подданных из России. Через год моей будущей бабушке удалось, через Красный Крест, вытянуть сюда и ее жениха, Алексея Сергеевича Орлова.

НГ: Это по материнской линии, а по отцовской?

ЕА: Мой отец, Петр Кантакузен, из семьи военных. Его отец защищал отечество и в Японскую, и в Первую мировую войны, потом служил в Белой армии, а после 1920 года перебрался в Константинополь. Именно там моя прабабушка, Александра Ивановна Рибопьер, познакомилась впоследствии с прадедом. А ее отец, 14 лет отслужив послом России в Константинополе, приехал в эти края в 1850 году и построил виллу в Глионе. Она до сих пор существует и даже называется Вилла Рибопьер, хоть и была поделена на отдельные квартиры. Брак Александры и Павла в 1879 году был первым браком, освященным в церкви, где мы с вами находимся. В 1921 году здесь венчались мои бабушка и дедушка по отцовской линии, потом, в 1946 году, мои родители, а в 1979 я сам венчал здесь моего брата.

НГ: В Вашей семье Вы первый священнослужитель. Как возникло у вас желание посвятить жизнь Церкви?

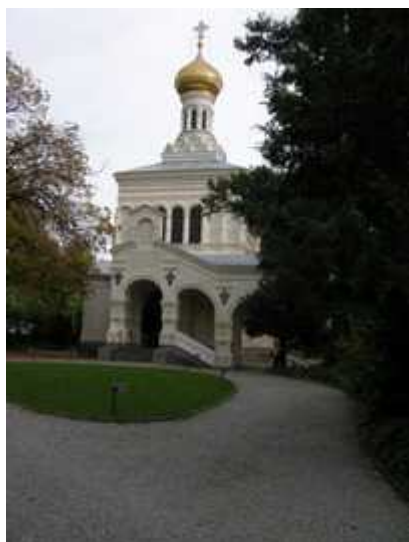
ЕА: Не буду лгать и рассказывать, что с детства чувствовал признание и так далее, такого не было. Семья наша была умеренно религиозная, по воскресеньям ходили в церковь, отмечали праздники, но не более того. Меня тоже, разумеется, водили, но в подростковом возрасте я утратил ко всему этому интерес.

Поступил на юридический факультет Лозаннского университета, а закончив его, понял, что посвятить жизнь чьим-то «разборкам» мне не хочется, а на дипломатическую службу, которая меня привлекала, не возьмут из-за нешвейцарской фамилии. И в этот момент я вернулся в церковь уже по убеждению. Тем не менее, я еще несколько лет проработал преподавателем - хотел доказать себе, что смогу прокормиться и без церкви. Вообще, я считаю неправильным, когда священниками становятся слишком молодые люди и начинают учить уму-разуму старушек, сами не пожив. Я стал священником на тридцатом году жизни.

НГ: Я не знала, что можно стать священником, не получив специального образования.

ЕА: Вы правы, но тут была особая ситуация. Тогдашний архиепиеей Женевский, архиепископ Антоний, решил, что одно высшее образование у меня уже было, а «специальным» займется он сам. Дал мне книги, курсы, много со мной беседовал, объяснял, а в 1976 году рукоположил, то есть посвятил в сан, и я стал священником в этой церкви. А в 1993 году умирающий Антоний попросил меня взять на себя обязанности архиеерея, чего мне очень не хотелось, так как я люблю заниматься именно приходом, а не административными делами. Но конечно, отказать

умирающему старцу я не мог.

НГ: А как появилась в Веве эта русская церковь?

ЕА: В 1872 году при родах скончалась двадцатидвухлетняя Варвара Петровна Орлова, дочь знаменитого графа Шувалова, бывшего тогда послом Российской империи в Лондоне. Убитый горем Шувалов пожелал, чтобы его дочь была похоронена возле русской церкви и вот на его деньги в 1878 году была построена эта церковь. А за могилой Варвары Петровны мы все ухаживаем.

НГ: Владыка, а кто сегодня Ваши прихожане и много ли их?

ЕА: Нет, их совсем не много. В Веве всего человек десять постоянных, так сказать, прихожан, но многие приезжают издалека - из Вале, Невшателя, Фрибурга. Тех, что составлял основу общины, то есть эмигрантов первой волны, уже не осталось, недавно я отпел последнюю такую прихожанку, древнюю старушку. Приходят их дети и внуки, часто уже не говорящие по-русски. Есть несколько представителей «второй волны», то есть тех, кто перебрался сюда после 1945 года. И как ни странно, немало приходит и швейцарцев, по разным причинам принявших православие. Ради них мы ведем службу и на французском языке, в очередь со старославянским. Многим «новым русским» это не нравится, они меня критикуют, а я им отвечаю, что если бы не эти люди, нам бы не удалось сохранить храм. Да и диакон наш, Мишель Верна, коренной швейцарец, что же теперь делать...

НГ: У Вас удивительно чистый и правильный русский язык, особенно для человека, никогда в России не жившего. Как Вам это удалось?

ЕА: Вы мне, конечно, льстите, но слышать приятно... Русский был нашим домашним языком, я никогда его не учил систематически. Говорить и читать могу, а вот правописание шаткое. Надо сказать, что только после принятия сана я решил серьезно заняться языком, начал больше читать, следить за тем, как говорю.

НГ: Что Вы читаете по-русски?

ЕА: В основном церковную и историческую литературу, но по воскресеньям прихожане приносят мне кипы распечаток из Интернета, так что я слежу за событиями.

НГ: Бывали ли Вы в России?

ЕА: Впервые я отправился туда в 1973 году. Тогда я был студентом, купил дешевый билет и полетел. Россия произвела на меня впечатление чужой страны с понятным мне языком. А в следующий раз, в 2002 году, ощущение было уже совсем другое. Я тогда проплыл на теплоходе по Золотому кольцу и был поражен красотой этих мест.

НГ: Владыка, как вы восприняли идею объединения Московского патриархата и Русской православной церкви за границей?

ЕА: Положительно, но с опаской. Было очевидно, что после 1992 года раскол между «нами» и «ними» уже не мог быть объективно оправдан. С другой стороны, десятилетия взаимного неприятия не прошли бесследно. А потом так получилось, что меня назначили членом Комиссии по воссоединению, я участвовал практически во всех переговорах, отошел уже в конце по состоянию здоровья. Это был очень интересный процесс, хоть и трудный - приходилось иногда показывать зубы, отстаивая свои позиции. А вот на днях из канцелярии Патриарха мне прислали кассеты с записью церемонии в Храме Христа Спасителя в Москве - приятно. Я очень переживаю от того, что некоторые из наших братьев и сестер не смогли согласиться с принятым решением и отошли от нашей церкви. Это очень прискорбно, но каждый вправе решать за себя.

НГ: Но их тоже можно понять. Ведь столько известно о преследованиях церкви в Советской России, о сотрудничестве некоторых прелатов с КГБ, и вдруг сам президент, чей послужной список тоже ни для кого не секрет, лично участвует в переговорах «церковников»?

ЕА: Все это так и даже более сложно, чем полагают многие. Сначала ведь Советская власть просто хотела одним махом церковь уничтожить, но это оказалось не так легко. Тогда большевики решили создать свою, так называемую обновленческую церковь с новым типом священников-живоцерковников. Но народ за ними не пошел и ничего из этой идеи затем не вышло. Тогда решили «подружиться» с Ватиканом. В 1926 и 1928 годах в Союз приезжал иезуит Мишель Д'Эрбиньи, отвечавший в Ватикане за восточно-католическую пропаганду. Но союз этот закончился крахом в 1929 году, а Д'Эрбиньи провел остаток дней, до самой смерти в 1953 году, в монастыре. Где-то в 1970е годы глава существовавшего тогда Комитета по делам религий представил Политбюро доклад о сотрудничестве с представителями церкви, к которому прилагался список «послушных» и «менее послушных» священников. Документ этот каким-то образом просочился на Запад и, надо сказать, я его читал с изумлением. Но далеко не все священники шли на такое сотрудничество, ведь представьте себе на минутку: за время советской власти мучеников за веру насчитывается столько же, сколько за 19 предыдущих веков христианства!

НГ: И это притом, что Сталин, как известно, в молодости учился в семинарии.

ЕА: На эту тему даже есть анекдот, а может, это и не анекдот. В 1943 году встречаются Сталин, патриарх Сергей Старогордский, митрополит Николай (Ярошевич) и митрополит Алексей (будущий патриарх Алексей 1). Начали торговаться, прелаты требуют уступок в сторону церкви: создания журнала, открытия семинарии, Сталин отказывается. Вдруг в пылу Сталин восклицает: «Да что же полезного может выйти из семинарии?!», а Ярошевич ему: «Например,

генералиссимус». Священники окаменели, а Сталин только рассмеялся.

НГ: Вообще именно во время церковь снова как-то проявилась в России, не так ли?

ЕА. Совершенно верно. Интересно, что митрополит Сергей Старогородский, исполнявший тогда, как говорится, обязанности патриарха, опередил Сталин. Буквально в первый день войны он выступил по радио, сказав, что «наш христианский долг - защитить Родину». Возможно, именно под влиянием этого выступления Сталин начал свою знаменитую первую речь военного времени обращением не «товарищи», а «братья и сестры».

НГ: Верите ли Вы в искренность современных российских политиков, вдруг обратившихся в веру, причем порой очень демонстративно?

ЕА (смеется): Я очень хорошо понимаю Ваш вопрос. Меня тоже часто корбит от вида и манер некоторых русских господ, которые появляются в моем приходе. Самое неприятное это принимать их исповеди, я стараюсь этого избегать по возможности, но отказать не имею права. Вера - дело интимное, в душу к человеку не влезешь... Наверное, в таком массовом увлечении религией есть перегиб, «компенсация» за предыдущие десятилетия. При этом я убежден, что лично президент Путин - поистине верующий человек.

НГ: О каком православном празднике Вы расскажете нашим читателям в ближайшее время?

ЕА: О дне святого Георгия. Это малоизвестный праздник, но он интересен тем, что связан с историей Георгиевских кавалеров.

НГ: С удовольствием почитаем, а пока что большое спасибо Вам за интересный рассказ.

[Женева](#)
[высшее образование в швейцарии](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dinozavr-iz-veve>